

БОРИС КРИГЕР

ПОСТ-
КАПИТАЛИЗМ

БОРИС КРИГЕР

Посткапитализм

© 2025 Boris Kriger

All rights reserved. No part of this publication may be reproduced or transmitted in any form or by any means electronic or mechanical, including photocopy, recording, or any information storage and retrieval system, without permission in writing from both the copyright owner and the publisher.

Requests for permission to make copies of any part of this work should be e-mailed to krigerbruce@gmail.com

Published in Canada by Altaspera Publishing & Literary Agency Inc.

Посткапитализм

Что приходит на смену капитализму, утратившему свою мобилизующую силу, но продолжающему доминировать по инерции? Какие контуры может принять социальная, экономическая и культурная реальность, в которой прибыль перестаёт быть универсальной целью, а устойчивость, смысл и участие занимают центральное место?

Эта книга предлагает философское и аналитическое осмысление посткапитализма не как готовой модели, а как множества параллельных направлений, возникающих в ответ на системный кризис. Рассматривая распад ключевых институтов современности — от рынка и труда до идентичности и роста — автор выстраивает целостное понимание переходного состояния: от истощённой логики накопления к возможным формам солидарной, устойчивой и смыслоцентричной организации жизни.

В фокусе исследования — трансформация мотиваций, новые формы институциональности, роль искусственного интеллекта, цифровая инфраструктура, культурные практики и локальные эксперименты как лаборатории будущего. Особое внимание уделяется необходимости этических рамок, защите от техноавторитаризма и формированию интеллектуальных и практических «предохранителей» в условиях нестабильности.

Это не проект переустройства мира сверху. Это попытка задать компас мышления в эпоху, когда ориентиры размыты, а необходимость новых оснований становится неотложной.

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	5
Глава первая. Что такое капитализм: анатомия системы	9
Глава вторая. Трансформация признаков капитализма	12
Глава третья. Исчерпанная мотивация	15
Глава четвёртая. Виртуальность как также реальность	18
Глава пятая. Закрытые пути.....	21
Глава шестая. Возможные принципы посткапиталистического направления	25
Глава седьмая. Мозаика будущего: ростки альтернатив	29
Глава восьмая. Искусственный интеллект как институт посткапитализма	33
Глава девятая. Практические шаги	37
Глава десятая. Предохранители от антиутопии.....	41
Послесловие. Компас в пустоте.....	45
Библиография	49

ВВЕДЕНИЕ

Идея посткапитализма витает в воздухе как обещание, ещё не обретшее плоти, как слово, звучащее в пустоте. Слишком громкое, чтобы оставаться незамеченным, и слишком неопределённое, чтобы стать путеводной нитью. Оно появляется в статьях, проскаакивает в речах политиков, оживает в мечтах активистов, но всё ещё остаётся тенью, очертания которой ускользают при ближайшем рассмотрении. Его повторяют, будто заклинание, которому приписывают силу изменить ход истории, но за этой формулой пока не стоит ни стройного мышления, ни чёткой архитектуры будущего.

Между тем привычный уклад сотрясается всё сильнее. Капитализм, некогда уверенный в своей бесконечной жизнеспособности, утрачивает внутреннюю цельность. Его кризис стал не просто чередой экономических сбоев или политических неурядиц, но чем-то более глубоким — внутренним расхождением между смыслом и формой. В то время как прежние его циклы подразумевали возможность обновления, сегодняшняя ситуация больше напоминает истощение. Рост продолжается, но он всё чаще кажется механическим, как движение колеса, оторванного от телеги. Прибыль по-прежнему считается конечной целью, однако вера в неё как в нечто необходимое — исчезает. В обществе нарастает усталость от самой идеи извлечения выгоды, словно она перестала оправдывать затраченные усилия и принесённые жертвы.

Ни один из прежних ответов не вызывает доверия. Социализм, столь яростно противопоставлявший себя капитализму в прошлом веке, был не только побеждён,

но и скомпрометирован опытом, от которого отводят взгляд даже те, кто мечтает о справедливости. Коммунизм стал музейной идеей, воспроизводимой лишь в цитатах и ностальгических жестах. Всё, что некогда казалось альтернативой, оказалось заперто в прошлом. И потому даже при нарастающем чувстве, что дальше так жить нельзя, не возникает ясного понимания, как именно жить иначе.

Разрозненные усилия, претендующие на изменение — будь то проекты всеобщего базового дохода, попытки обуздить климатическую катастрофу через «зелёный рост», или же реформы, имитирующие социальную заботу — представляют собой лишь временные меры, неспособные составить целостную систему. Они напоминают попытку чинить протекающую плотину обрывками ткани. Ни один из этих шагов не предлагает ответа на главный вопрос: как устроить общество, в котором ценность не будет определяться прибылью?

Посткапитализм, как слово, продолжает звучать — обманчиво уверенно, будто за ним скрыта программа. Но, оставаясь без содержания, оно лишь обозначает отсутствие. Эта пустота тем более ощутима, что сама идея иного, свободного от товарной логики мира, нуждается не в слогане, а в материи — в образе, к которому можно стремиться, и в языке, способном этот образ выразить. Пока же остаётся лишь тень — призрачное предчувствие того, чего ещё не существует.

Реальность постепенно теряет прежнюю форму, превращаясь в зыбкую ткань знаков, симуляций и цифровых интерфейсов, отдаляющих действия от их непосредственного смысла. Виртуализация всего —

труда, общения, потребления, самой идентичности — размывает органическую связь между поступком и его побудительным мотивом. То, что ещё недавно казалось естественным продолжением воли, становится отвлечённым набором операций, не вызывающим внутреннего отклика. Деятельность перестаёт быть телесной, становится абстрактной, а значит — отчуждённой. Живое напряжение усилия подменяется серией команд, теряющих причинно-следственную логику, словно между намерением и результатом пролегает бесконечная воронка, засасывающая смысл.

В этом размытом пейзаже утрачивается чувство времени. Прошлое теряет значимость, будущее отступает, не обещая ничего определённого. Всё сужается до неустойчивого настоящего, к которому невозможно прирасти. Возникает исторический вакуум, сходный с тем, в котором жила поздняя Римская империя — когда формы ещё сохранялись, а содержания в них уже не оставалось. Механизмы власти продолжали вращаться, традиции исполнялись, но энергия, наполнявшая их смыслом, выдохлась. Так и ныне — риторика модернизации ещё звучит, экономические индикаторы продолжают мигать, но сама историческая линия прервалась, превратившись в стагнирующее настоящее без перспектив.

На этом фоне угроза хаоса перестаёт быть метафорой. Она становится вещественной, как тень, крадущаяся по стенам. Угасание общего смысла оборачивается либо слепыми вспышками насилия, либо медленным распадом связей. Размывание реальности не освобождает, а делает уязвимым, открывая дорогу новым формам контроля, основанным на алгоритмах,

страхе и предсказуемости. Страх перед антиутопией уже не принадлежит только книгам — он просачивается в повседневную речь, становясь интуитивной реакцией на происходящее.

Именно в этом контексте рождается необходимость не в новом плане и не в чертежах будущего, а в попытке осмыслиения того, что разрушается, и того, что может прорости сквозь трещины. Эта книга не предлагает универсального рецепта, не стремится выстроить очередную модель сверху вниз. Напротив, её задача — стать философским компасом в ландшафте неопределенности, указав возможные направления, по которым могут двигаться независимые, локальные, экспериментальные формы жизни. Речь идёт не о едином проекте, а о множественности попыток, каждая из которых рождается в своём контексте, но все они объединены стремлением к освобождению от той пустоты, в которую обращается нынешнее время.

ГЛАВА ПЕРВАЯ. ЧТО ТАКОЕ КАПИТАЛИЗМ: АНАТОМИЯ СИСТЕМЫ

Капитализм предстает не как совокупность случайных черт, но как стройная и жесткая система, в которой каждая деталь служит укреплению целого. Его анатомия не сводится к экономическим терминам — она пронизывает весь образ жизни, способ мышления и структуру желаний. Основанная на частной собственности, прежде всего на средствах производства, эта система превращает контроль над материальными ресурсами в ключ к власти, делая обладание началом и концом всех усилий. Владение перестаёт быть средством и становится сущностью.

Капитал не просто вещь, он — процесс. Это не сумма денег, а поток, нацеленный на самоувелечие. Стоимость, вступая в движение, должна возрастать, и в этом её единственная легитимность. Всё, что не приносит прироста, становится избыточным, как ненужный орган. Деньги, вложенные в труд, в сырьё, в логистику, должны возвращаться умноженными, и в этой механике скрыт главный импульс капиталистической динамики — постоянное принуждение к расширению. Целью становится не продукт, не польза, не удовлетворение человеческой потребности, а разница между вложенным и полученным. Производство подчиняется прибыли, а прибыль — закону бесконечного роста.

Рынок в этой системе играет роль высшего судьи. Его признают нейтральной и даже естественной формой распределения, будто он возникает сам собой, следя невидимым законам природы. На деле же он — тонкий механизм, отточенный для того, чтобы определять, что

достойно существования, а что должно исчезнуть. Его логика беспристрастна и потому жестока: то, что не может быть продано, считается ненужным; то, что не приносит выгоды, исчезает. Так формируется не просто экономика, но целый мир, в котором критерий стоимости становится универсальной мерой всех вещей.

В этом мире труд теряет своё исконное значение. Он перестаёт быть выражением человеческой способности преобразовывать действительность и становится товаром — таким же, как сырьё или техника. Человек, приходя в экономическое пространство, предлагает себя, своё время, свои усилия, превращённые в единицу стоимости. Работник обменивает живую силу на заработок, лишаясь контроля над тем, что создаёт. Этот обмен формально доброволен, но фактически неизбежен — в нём заключается сам способ выживания.

Прибыль становится целью, не подлежащей обсуждению. Она возводится в абсолют, подменяя собой смысл. Производство, инновации, конкуренция, даже искусство и образование — всё сводится к одному: извлечению выгоды. Там, где ранее действовали моральные или культурные ограничения, теперь царит рациональность счёта. Ценность вещи определяется не её пользой, не красотой, не воздействием на общество, а тем, сколько она приносит.

Из этой логики проистекает культ роста. Движение вперёд, постоянное расширение, покорение новых рынков, увеличение масштабов — всё это воспринимается как условие стабильности. Покой равен смерти, а стагнация — провалу. Сама идея меры исчезает. Рост становится нормой, требованием, даже моральным императивом. Система не просто позволяет

стремиться к большему — она принуждает к этому, превращая жадность из порока в двигатель.

Со временем эта модель перестаёт быть только экономической. Она обретает черты цивилизации, в которой всё подчиняется стоимости, всё соизмеряется деньгами, всё существует лишь постольку, поскольку приносит доход. Человек в таком порядке вещей становится функцией капитала — носителем потребностей, объектом статистики, участником сделок. Его жизнь, отношения, даже эмоции — всё поддаётся количественной оценке. Быть означает стоить, а не иметь смысла.

Но столь тотальная система не может быть вечной. Её историчность очевидна. Капитализм возник в определённое время, при определённых условиях, и его законы не даны раз и навсегда. Он — не последняя форма устройства мира, а лишь одна из его фаз. Осознание этого открывает возможность для иных путей. То, что создано, может быть преодолено. И в самой этой мысли — первая трещина в его монолитной поверхности.

ГЛАВА ВТОРАЯ. ТРАНСФОРМАЦИЯ ПРИЗНАКОВ КАПИТАЛИЗМА

С течением времени черты капитализма претерпевают тонкие, но необратимые сдвиги, меняя не только его облик, но и саму логику, на которой он покоится. То, что ещё недавно считалось его незыблемыми основами, постепенно утрачивает прежнее значение, становясь всё более символическим, всё менее действенным. Так, сама идея собственности, лежавшая в основании всей системы, переживает радикальное переосмысление. Владение уступает место доступу: вещи больше не принадлежат, а предоставляются на время. Автомобили арендуются по минутам, жильё становится временной зоной, книги и фильмы исчезают с полок, уступая место потоковому контенту. Исчезает сам жест обладания, как если бы он стал избыточным в мире, где всё доступно, но ничто не удерживается.

Вместе с этим капитал всё стремительнее отрывается от материальной действительности. Финансовые потоки утрачивают связь с производством, с ресурсами, с трудом — они движутся по своим, автономным законам, следуя ритмам спекуляций, деривативов, высокочастотной торговли. Деньги больше не отражают процессы, происходящие в мире, а живут собственной жизнью, напоминая тени, забывшие тела, которые их породили. Стоимость становится игрой знаков, в которой исчезает граница между реальным и мнимым. Это не просто искажение, а новое состояние — состояние финансовой виртуальности, в котором всё измеряется, но ничего не существует по-настоящему.

Тот же процесс охватывает и рынок. Его место всё явственнее занимают цифровые платформы,

управляющие распределением не через свободный обмен, а через непрозрачные алгоритмы. Платформа диктует цену, формирует спрос, определяет поведение. Она не предлагает — она направляет. Автоматизация заменяет выбор — алгоритм предугадывает желание и подсовывает решение, прежде чем оно осознано. Возникает новая форма контроля, в которой рынок не исчезает, но теряет свою автономию, растворяясь в цифровом управлении.

На этом фоне труд перестаёт быть основой ценности. Машины, алгоритмы, нейросети вытесняют человека не только из физического производства, но и из интеллектуальной сферы. Там, где раньше требовалась живая мысль или интуиция, теперь достаточно программной инструкции. Автоматизация наступает не в виде замены, а в форме подмены — человек остаётся в системе, но в пониженной роли, выполняя функции наблюдения или подтверждения, лишённые содержания. Прежняя ценность усилия утрачена. То, что раньше создавалось телом и умом, теперь возникает без участия — как продукт системы, в которой человеческое становится лишним.

Прибыль, столь долго бывшая единственной целью, начинает терять смысл. В условиях нарастающего кризиса — климатического, социального, ментального — извлечение выгоды начинает восприниматься не как прогресс, а как симптом. Всё труднее представить себе устойчивый рост там, где истощены ресурсы, разрушены экосистемы, подорваны социальные связи. Логика расширения сталкивается с границами, и эти границы не отвлечённые — они вещественны. Экология отказывается подчиняться законам капитала. Общество

больше не выдерживает давления отчуждения и ускорения. Прежняя мотивация — жадность, стремление к накоплению — теряет обаяние. Обогащение утрачивает ауру. Тому, что раньше казалось целью, теперь трудно найти оправдание.

На смену живым стремлениям приходят суррогаты. Виртуальные поощрения — лайки, баллы, рейтинги — замещают реальные результаты. Удовлетворение от процесса исчезает, уступая место зависимости от цифровой обратной связи. Деятельность размывается в беспредметной занятости. Работа всё больше напоминает игру без правил и выигрыша. Цифровой стимул заменяет усилие, вытесняя последние следы внутренней мотивации.

Все эти признаки свидетельствуют не просто о трансформации, а об истощении. Капитализм не разрушается внешней силой — он выгорает изнутри, теряя основания, на которых строился. Его логика, некогда кажущаяся самоочевидной, утрачивает убедительность. На её месте остаётся не альтернатива, а пустота — пространство, в котором прежние смыслы исчезли, а новые ещё не оформлены. Именно в этой пустоте начинает формироваться иное — не как готовая форма, а как ожидание, напряжённое и неясное, подобное молчанию перед грозой.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ. ИСЧЕРПАННАЯ МОТИВАЦИЯ

Когда-то идея прибыли служила не просто стимулом — она была аксиомой, не подлежащей сомнению. В ней заключалась суть капиталистического порядка, его мораль и мотор, его внутренняя оправданность. Однако с течением времени этот ориентир теряет универсальность. Всё большее число людей, оказавшихся в относительно комфортных условиях, перестаёт воспринимать накопление как жизненную цель. Там, где базовые потребности удовлетворены, а доступ к благам обрел стабильность, жажда обогащения утрачивает ту яркость, с которой она когда-то зажигала целые поколения. То, что раньше воспринималось как успех, теперь нередко кажется лишним, даже обременительным. Линия, отделяющая достаток от излишеств, становится всё заметнее — и всё тревожнее.

На фоне цифровой экономики иллюзия богатства приобретает особую форму. Цифры на экране, колебания курсов, рост виртуальных активов — всё это создаёт ощущение изобилия, не подкреплённого никакой осязаемой реальностью. Богатство обретает призрачный характер, превращаясь в некий символ, в абстракцию, утратившую телесность. Это уже не сундук с золотом, не дом, не фабрика — это цифры, которыми можно оперировать, но нельзя насладиться. Возникает парадокс: чем больше становится виртуального богатства, тем слабее ощущается реальное присутствие достатка.

Тем временем климатический кризис сдвигает ценностные ориентиры. В мире, сталкивающемся с нарастающей угрозой разрушения среды обитания, на первый план выходит не приращение, а сбережение. Не

экспансия, а забота. Не риск, а выживание. Успех в привычном понимании — рост, расширение, покорение новых горизонтов — начинает казаться опасным, несовместимым с долгосрочной устойчивостью. Ценность приобретает иной масштаб: не в прибыли, а в способности не истощить, не разрушить, не превысить предела.

Эти перемены происходят на фоне стремительного развития технологий, благодаря которым машины и алгоритмы всё чаще извлекают прибыль с эффективностью, недоступной человеку. Автоматизация не только подрывает рынок труда, но и смещает само представление о роли личности в процессе создания богатства. Человеческое усилие перестаёт быть необходимым. Производительность возрастает, а участие — исчезает. В этой новой реальности труд превращается в избыточность, и вместе с ним исчезает основание для гордости, для ощущения причастности к результату.

Всё это питает чувство глубокой усталости. Бесконечная гонка, которая казалась смыслом жизни, теряет притягательность. Соревнование оборачивается бессмысленным повторением. Прогресс, лишённый направления, становится бегом по кругу. Люди истощаются не от бедности, а от избыточного напряжения, от давления постоянного улучшения, от отсутствия покоя. На смену движению вперёд приходит желание остановиться, выдохнуть, обрести равновесие, которое система отрицает как слабость.

В этой усталости и кроется пространство для подмены. Реальные усилия, требующие концентрации и терпения, вытесняются лёгкими победами в цифровом

пространстве. Лайки, значки, очки, рейтинги — всё это создает ощущение достижений без содержания. Возникает мир симулированного успеха, в котором человек получает признание, не выходя за рамки экрана. Но за этим не стоит ни развитие, ни преобразование, ни риск. Это награды за присутствие, а не за действия.

Угасание предпринимательского импульса становится особенно заметным. Больше не манит идея начать с нуля, рисковать, преодолевать, бороться за своё. Даже те, кто всё ещё действует в этой логике, делают это скорее по инерции, чем по вдохновению. Энтузиазм тускнеет, а на его место приходит pragmatizm, лишённый огня. Предприниматель, некогда олицетворявший дух времени, всё чаще превращается в фигуру из прошлого — в персонажа, чья мотивация кажется чуждой, почти наивной.

Это и есть вакуум мотивации — пустота, образовавшаяся после того, как прежние цели исчерпали себя. В ней ощущается не только потеря направления, но и угроза самой цивилизации, лишённой движущей идеи. Если больше не к чему стремиться, не за что бороться, не ради чего преодолевать, рушится сам фундамент коллективного существования. Становится ясно: чтобы не исчезнуть в этой пустоте, необходимо заново открыть источник смысла — не в прибыли, не в росте, не в власти, но в чём-то глубже, способном вернуть человеку подлинную связь с самим собой, с миром и с будущим.

ГЛАВА ЧЕТВЁРТАЯ. ВИРТУАЛЬНОСТЬ КАК ТАЖЕ РЕАЛЬНОСТЬ

Реальность, столь долго считавшаяся незыблемым основанием всякого опыта, в действительности оказывается не менее хрупкой, чем представления о ней. То, что ощущается как "настоящее", лишь отражение, сформированное восприятием, обработанное и интерпретированное сознанием. Каждое прикосновение, каждое изображение, каждый звук проходят через сложную сеть восприятия и нейронной обработки, прежде чем сложиться в целостную картину мира. Реальное — не то, что просто есть, а то, что осмыслено. Оно не существует вне наблюдателя: оно возникает в акте наблюдения.

Современная наука, углубляясь в структуру материи, лишь подтверждает этот сдвиг. То, что когда-то казалось плотной субстанцией, теперь предстает как поле взаимодействий, энергетических волн, вероятностей. Материальный мир на глубинном уровне оказывается более текучим, чем привычное ощущение твёрдости. Частицы исчезают и появляются, волны превращаются в корпускулы, и реальность теряет прежнюю определённость. В этом странном мире квантовой неопределенности предметы находятся в нескольких состояниях одновременно, а наблюдение способно менять результат. Уверенность в том, что существует нечто объективное, больше не подкрепляется ни опытом, ни теорией.

Философские размышления о природе видимого мира имеют древнюю традицию. Платон ещё в античные времена описал аллегорию пещеры, в которой люди

видят лишь тени настоящего, проецируемые на стену — и принимают их за реальность. Истинный мир, по его мысли, скрыт от глаз, но постижим разумом. Века спустя эта метафора обрела новую жизнь в философии симуляции, в представлении о мире как о серии представлений, масок, кодов. Мир перестаёт быть самодовлеющим, он оказывается сценой, на которой играют символы.

В схожем ключе мыслит и буддизм, утверждая, что всё воспринимаемое — майя, иллюзия. Объекты и явления существуют, но не имеют собственной сущности: всё пребывает в потоке, всё взаимозависимо и непостоянно. Страдание возникает тогда, когда воспринимаемое принимается за неизменное. Освобождение — в распознавании иллюзорности и преодолении привязанности к внешнему. Эта мысль, выраженная тысячетелетия назад, неожиданно сливается с прозрениями современной науки и философии, создавая общий горизонт, в котором граница между реальным и виртуальным теряет прежнюю чёткость.

В XXI веке гипотеза симуляции получает новое дыхание, теперь уже на языке технологий. Существует предположение, что весь наблюдаемый мир может быть результатом сложной цифровой модели, управляемой неведомым сознанием. Если вычислительные мощности достаточно развиты, нет принципиальной разницы между "естественным" и "созданным". Разум в любой реальности будет ощущать её как единственно возможную. Погружённый в симуляцию, он не распознаёт её границ. Это не просто научная фантазия, но логическое следствие растущего слияния человека и цифровой среды.

Виртуальные миры, некогда воспринимавшиеся как досуг или игра, всё увереннее занимают место в общей структуре существования. Они становятся продолжением, а не противоположностью реальности. Цифровое пространство принимает в себя аспекты повседневной жизни: работа, творчество, общение, самоидентификация перемещаются на экраны. Платформы превращаются в арены, где разворачиваются важнейшие процессы современности. Это уже не бегство, а новая сцена бытия. И всё же остаётся вопрос — какая именно виртуальность жизнеспособна, способна поддерживать развитие, не разрушая основу?

Опасность полного ухода в симуляцию заключается не в самом погружении, а в потере различия между действием и имитацией. Если всё можно заменить — опыт, усилие, память, эмоцию — исчезает то, что делает существование подлинным. Под угрозой оказывается не истина, а напряжение, необходимое для её поиска. Симуляция соблазняет комфортом, но лишает глубины. Она способна увлечь, но не наполнить. В этом — её соблазн и её угроза.

Задача современного мышления заключается не в отрицании виртуальности, а в овладении ею. Не как замены, а как инструмента. Цифровое не должно быть ни идолом, ни врагом. Оно может служить — если не подменяет. Виртуальность становится полезной тогда, когда усиливает возможности, а не уничтожает потребность в реальном усилии. Только при этом условии она может стать продолжением свободы, а не формой утраты.

ГЛАВА ПЯТАЯ. ЗАКРЫТЫЕ ПУТИ

Современность оказалась в ловушке недействующих обещаний. Те пути, что некогда возбуждали воображение как альтернативы капитализму, сегодня либо утратили убедительность, либо вовсе закрыты. Анархизм, в своём радикальном стремлении к самоорганизации и отказу от централизованной власти, оказывается невозможным в эпоху глобальной взаимозависимости, когда инфраструктуры, потоки информации и материальных ресурсов требуют координации, масштаба и предсказуемости. Пространства для автономных общин с каждым годом становится всё меньше — не только территориально, но и ментально. В условиях, когда даже временный отказ от цифрового подключения воспринимается как социальная смерть, идея полной децентрализации теряет почву под ногами.

Социализм, столь долго выступавший в роли главного оппонента капитализма, утратил символическую силу. Опыт XX века наложил на него тень, от которой он не может избавиться. Попытки справедливого распределения оборачивались подавлением, равенство вырастало на почве принуждения. Тоталитарные формы, которыми сопровождались эти попытки, навсегда изменили восприятие самой идеи. Даже там, где речь идёт о новых формах социальной организации, наследие централизованного контроля, бюрократической власти и подавленного инакомыслия продолжает вызывать отторжение.

Коммунизм — не просто дискредитирован, он стал символически невозможен. Его обещание бесклассового общества, лишённого собственности и государства,

больше не звучит как мечта, а скорее как утопия из прошлого, застывшая в музейной витрине. Его язык утратил связь с настоящим, а терминология вызывает ассоциации не с освобождением, а с пустыми лозунгами и историческими травмами. Его призраки больше не пугают и не вдохновляют — они лишь напоминают о недостижимом.

Мысль о возвращении к прошлым формам — будь то аграрное общество, ремесленные союзы, «естественное» сообщество — выглядит столь же невозможной. История не знает возвратов. Технологическая, социальная, демографическая реальность изменилась до неузнаваемости. Нельзя восстановить утраченное, не превратив его в декорацию. Любая попытка воссоздания оборачивается симулякром — картинкой без содержания, игрой в старину на фоне цифрового неба.

Даже проекты, претендующие на инновационность, быстро обнажают границы. Всеобщий базовый доход, казавшийся решением проблемы неравенства и автоматизации, не устраниет главного — отчуждения, потери смысла, разрушения связей. Он может смягчить последствия, но не меняет логики. Получая деньги за бездействие, человек не обретает цель, он просто отступает от края, оставаясь внутри того же механизма. Неравенство переносится в область доступа к нематериальному: к признанию, к роли, к возможности влиять.

Идея «зелёного роста», обещающая соединить экологическое сознание с экономическим развитием, сохраняет старую логику накопления. Она не разрушает основания капитализма, а лишь меняет его инструменты. Вместо угля — солнечные панели, вместо нефти —

литий, вместо фабрик — «чистые» стартапы. Но сама суть — стремление к извлечению выгоды — остаётся нетронутой. Природа превращается в новый рынок, климат — в источник спекуляции. Экология становится брендом, за которым скрывается всё то же движение к прибыли.

Криптоанархия, столь бурно развивавшаяся на волне недоверия к государствам и банкам, остаётся маргинальной. Технологическая изощрённость не ведёт к реальному освобождению. Распределённые сети создают иллюзию свободы, но остаются в рамках системы, которую не могут изменить. Они строят параллельные структуры, но не предлагают нового основания. За риторикой о децентрализации часто скрывается та же мотивация обогащения, ускоренная новыми средствами.

Корпоративные декларации о ценностях, представленные под знаками ESG, социальной ответственности, устойчивого развития, всё чаще воспринимаются как маркетинговые жесты. Речь не идёт о трансформации, а о перераспределении внимания. Компании учатся говорить на языке заботы и этики, не меняя ни своей природы, ни своей цели. Их мораль регулируется интересом, и потому она не может быть подлинной. Это игра в человечность — точная, выверенная, управляемая, но неискренняя.

Все эти ложные дороги уводят не вперёд, а в сторону, ведут в тупики, в которых теряется время и рассеиваются усилия. И в то же время перед лицом этих тупиков становится всё очевиднее угроза нового тоталитаризма — не в прежнем, грубом обличье, а в форме цифрового контроля. Слияние алгоритмов, мониторинга,

социальной инженерии и платформенной зависимости создаёт возможность невидимого, но всепроникающего принуждения. Это не деспотия, а мягкое давление, в котором исчезает выбор, а подчинение маскируется под участие.

Нынешнее положение не даёт готовых решений, но требует отказа от иллюзий. Необходим поиск иных оснований — тех, которые не повторяют старое и не маскируют прежнее. Только оттолкнувшись от осознания исчерпанности всех прежних моделей, можно начать движение к подлинной новизне. В этом — начало настоящей задачи.

ГЛАВА ШЕСТАЯ. ВОЗМОЖНЫЕ ПРИНЦИПЫ ПОСТКАПИТАЛИСТИЧЕСКОГО НАПРАВЛЕНИЯ

В посткапиталистическом горизонте, едва намечающемся среди обломков исчерпанной модели, всё чаще проступают контуры новых принципов, способных задать иное направление движения. Это ещё не система, не программа, но уже и не хаотичное множество. Это — логика, прорастающая сквозь кризис, не как реакция, а как попытка преодоления.

Первым из таких принципов становится признание базового обеспечения не как подачки, а как неотъемлемого права. Речь идёт не о минимуме для выживания, а о гарантированной почве для существования, в которой человек может расти, не оглядываясь на страх бедности. Это право не должно быть условным, зависящим от производительности или соответствия. Оно утверждается как основа человеческого достоинства, как возможность жить без принуждения к бессмысленному труду.

С этим неразрывно связана перемена в мотивации. Там, где раньше двигала жажды прибыли, теперь должно встать стремление к смыслу. В центре внимания — не то, сколько извлечено, а то, что создано. Удовлетворение не измеряется ростом капитала, но глубиной вклада. Важным становится не то, как монетизировать, а для чего существовать. Экономика превращается в продолжение этики, в практику осмысленного действия, в пространство реализации, а не отчуждения.

Экология, столь долго воспринимавшаяся как внешнее ограничение, становится внутренним основанием. Она перестаёт быть сферой регулирования и становится сердцем всей экономической логики. Производство,

распределение, потребление — всё должно соотноситься с пределами планеты. Это не вопрос доброй воли или настроения, а вопрос выживания. Природа перестаёт быть ресурсом — она становится партнёром, средой, соавтором, без которого невозможна ни одна форма будущего.

Децентрализация становится условием подлинного участия. Там, где решения принимаются ближе к тем, кого они касаются, исчезает отчуждение. Участие перестаёт быть формальностью, а становится формой ответственности. Каждый имеет возможность влиять, и это влияние распределено, а не сконцентрировано. Такая модель не предполагает хаоса — она требует зрелости, осознанности, готовности к совместному принятию решений.

В центре новой структуры оказывается развитие человека. Не потребителя, не работника, не пользователя, а целостного существа, способного к обучению, творчеству, заботе. Цель общества — не обслуживание интересов капитала, а создание условий, в которых может расцвести индивидуальность без ущерба для других. Образование, культура, телесность, эмоции — всё это возвращается в поле значимого. Развитие становится не подготовкой к труду, а сутью жизни.

Виртуальность сохраняется, но обретает иное назначение. Она перестаёт подменять и начинает усиливать. Цифровые пространства становятся инструментами расширения возможностей, а не клетками для сознания. Их задача — помочь соединиться, понять, исследовать, а не отвлечь, усыпить, изолировать. Использование технологий требует новой этики: отказа от алгоритмической манипуляции и

возврата к прозрачности, подотчётности, честности.

В этом новом мире признание перестаёт быть привилегией богатства. Возникают иные формы статуса, основанные не на накоплении, а на вкладе, не на демонстрации, а на подлинности. Уважение возвращается в сферу человеческих связей, где ценность определяется способностью помогать, соединять, развивать. Положение в обществе больше не зависит от успешной игры по старым правилам — оно рождается в пространстве нового взаимодействия.

Рост уступает место устойчивости. Прежняя парадигма требовала бесконечного расширения, теперь важнее сохранить равновесие. Экономика становится циклической, настроенной не на экспансию, а на восполнение. Снижается темп, но возрастает глубина. Появляется пространство для заботы, для исцеления, для восстановления. Цель — не покорение, а сопричастность.

Сотрудничество заменяет конкуренцию как основной вектор отношений. Вместо борьбы за ограниченные ресурсы — общее усилие ради увеличения общего блага. Конфликт уходит на второй план, уступая место созидательному взаимодействию. Не соревноваться, а сонастраиваться, не вытеснять, а объединять — в этом новая энергия.

И, наконец, смысл вытесняет потребление. То, что раньше оправдывало существование — количество вещей, впечатлений, удовольствий — больше не удовлетворяет. Возникает жажды другого — глубины, связи, целостности. Посткапиталистическое направление не отрицает желания, но направляет его вглубь, к вопросу: зачем? Не ради прибыли, не ради

успеха, а ради жизни как искусства быть. Именно этот сдвиг и открывает возможность нового — не как утопии, а как реальности, рождающейся из кризиса.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ. МОЗАИКА БУДУЩЕГО: РОСТКИ АЛЬТЕРНАТИВ

Будущее не приходит в виде единого плана, ниспосланного сверху, и не воплощается по чертежам, вычерченным в кабинетах. Оно прорастает изнутри — в трещинах системы, в неустойчивых нишах, в пробах и ошибках. Там, где кажется, что всё замкнулось, где старые формы утратили подвижность, возникают мозаики другого — фрагменты возможного, ростки альтернатив, ещё не объединившиеся в стройную картину, но уже способные указывать направление. Эти элементы не претендуют на универсальность, но именно в своей разнородности заключают силу: они не повторяют старое, а тестируют новое.

Экономика доступа, некогда начавшаяся с совместного использования автомобилей и жилья, теперь обретает новое измерение. В модели sharing 2.0 происходит не просто разделение ресурсов, но создание структур, в которых доступ важнее владения, а участие важнее накопления. Здесь важен не сам объект, а возможность им воспользоваться, и эта логика меняет сам характер потребления. Вместо фиксированной собственности — гибкие формы общего пользования, вместо конкуренции — доверие и распределённая ответственность. Не столько рынок, сколько сеть, в которой вещи переходят из рук в руки, не теряя ценности.

Одновременно с этим формируются цифровые кооперативы и организации на основе децентрализованного управления — DAO, где правила заданы не бюрократией, а кодом. Эти структуры лишены единого центра, но обладают чёткими механизмами

принятия решений. Вместо иерархии — смарт-контракты, вместо владельцев — участники. Они не отменяют экономики, но задают ей иные рамки: прозрачные, распределённые, коллективные. В таких моделях формируется новая культура цифрового участия, в которой власть перераспределяется, а ценность создаётся совместно.

Параллельно с технологическими экспериментами укореняются экосоциальные практики, стремящиеся к гармонии с природой и сообществом. Пермакультура, основанная на принципах устойчивости и саморегуляции, становится не только способом земледелия, но и моделью мышления. Земельные трасты позволяют сообществам владеть землёй коллективно, выстраивая устойчивые отношения с окружающей средой. Это не возврат к архаике, а применение принципов взаимозависимости в современной реальности — с расчётом, но без эксплуатации.

Модель базового обеспечения, получившая наибольшее распространение в теории, приобретает новое измерение, когда к ней добавляются так называемые «сфераы смысла» — пространства, в которых человек может реализовываться без принуждения к прибыли. Это могут быть культурные инициативы, образовательные проекты, формы ухода, искусства, исследований — всё, что не сводится к рыночной логике, но создаёт неоценимую ткань жизни. Базовое обеспечение даёт опору, а сферы смысла — направление. Вместе они образуют не просто экономику выживания, а ландшафт возможностей.

Открытые формы знания — от операционных систем вроде Linux до Википедии — уже стали частью

повседневности, хотя и воспринимаются как должное. Однако именно они указывают на возможность производства, основанного не на собственности, а на сотрудничестве. Это знание, свободное от патентов и монополий, распространяется не ради выгоды, а ради пользы. И хотя такие модели пока сосуществуют с коммерческими структурами, они задают иную логику: знания как общественного достояния, не ограниченного барьерами.

Даровые сети — от магазинов без денег до обмена едой — рождаются из простого, но радикального жеста: делиться без ожидания возврата. Это не наивная щедрость, а форма социальной технологии, где обмен строится не на балансе, а на доверии. Free stores, food sharing, «холодильники солидарности» — это конкретные проявления заботы, направленные на преодоление изолированности и на возвращение телесного, осязаемого опыта солидарности.

Социальные предприятия, в отличие от традиционного бизнеса, измеряют успех не в прибыли, а в преобразующем воздействии. Их цель — не только устойчивость, но и изменение. Они действуют на пересечении рынков и сообществ, удерживая баланс между экономической эффективностью и этическими принципами. Их практика — не альтруизм, но выбор в пользу сложных, гибридных форм, где ценность создаётся и для себя, и для других.

Локальные валюты и системы взаимопомощи — ещё один способ разрушить монополию централизованных денежных потоков. Они позволяют удерживать ресурсы внутри сообщества, укреплять связи, снижать зависимость от внешних колебаний. Это не попытка

замены национальной валюты, а дополнение, усиление локальной устойчивости. Подобные формы усиливают горизонтальные отношения, восстанавливая чувство сопричастности.

Городские и сетевые коммуны формируются там, где люди осознанно стремятся к другому способу жизни — более медленному, более включённому, более ответственному. Это могут быть квартальные инициативы, цифровые сообщества, коллективы взаимопомощи, объединённые не территорией, а идеей. Коммуна в этом смысле — не только место, но и форма жизни, основанная на поддержке, совместном решении задач и уважении к различию.

Во всей этой мозаике трудно найти центр. Но именно отсутствие центра делает её живой. Это не система, а лаборатория. Здесь нет универсального ответа, но есть множество попыток, каждая из которых на своём уровне разрушает господствующую логику и предлагает другую. Гибриды моделей, возникающие на пересечении технологий, экологий, социальной практики и культуры, не стремятся к единству — они ищут устойчивость в разнообразии. И в этом — главная сила будущего: не в завершённости, а в движении, не в схеме, а в множестве растущих возможностей.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ. ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ КАК ИНСТИТУТ ПОСТКАПИТАЛИЗМА

Среди всех преобразований, стремительно меняющих ландшафт современности, искусственный интеллект выделяется не только своей мощью, но и тем, как он возник и продолжает развиваться. Его природа противоречит привычным формам институционального контроля. Он не был изобретён в лабораториях корпораций с целью немедленной монетизации. Его корни — в сетевой культуре открытого знания, в усилиях тысяч анонимных разработчиков, в академических проектах, в некоммерческих инициативных группах. ИИ родился в пространстве общего — как плод коллективного разума, а не как частная собственность.

Эта особенность определяет его потенциал. Внутри искусственного интеллекта заключена возможность создавать ценность, не подчинённую прибыли. Модели машинного обучения, языковые интерфейсы, системы анализа и генерации — всё это создаётся и применяется во множестве контекстов, где главным становится не выгода, а польза. В образовании, медицине, культуре, в научных исследованиях ИИ способен решать задачи, не измеряемые финансовым результатом. Он может не только ускорять процессы, но и углублять понимание, расширять доступ, разрушать барьеры.

Одним из ключевых признаков этой новой реальности становится массовый некоммерческий доступ. То, что ещё недавно требовало специализированной подготовки, теперь доступно через открытые интерфейсы. Технологии, ранее считавшиеся элитарными, становятся инструментом повседневности. Это не устранение иерархий, а их пересборка: доступ к ИИ не гарантирует

равенства, но создаёт новый горизонт возможностей, за пределами рыночной эксклюзивности. Он открывает путь к знаниям, к языку, к творчеству — без лицензий, без допусков, без платы за вход.

Здесь проявляется новая институциональность, не опирающаяся на собственность в классическом смысле. Алгоритмы не принадлежат, они используются. Исходные коды открыты, данные доступны, модели распространяются под лицензиями, исключающими приватизацию. Такая инфраструктура не формирует центра, вокруг которого вращается власть, — напротив, она распределяет инициативу. Это не анархия, а пострыночный система, способная поддерживать сложные формы организации без вертикального управления.

ИИ становится примером инфраструктуры, работающей вне логики рынка. Подобно дорогам, библиотекам, водопроводу, он служит множеству целей одновременно, не исчерпываясь частным интересом. Он не производит товар, он производит возможность — обработать, интерпретировать, соединить, трансформировать. Это производительность иного рода — не материальная, но семантическая, не измеримая прибылью, но ощутимая через сдвиг в культуре.

В этом контексте появляются и формы распределённого управления. Принятие решений о развитии, обновлениях, ограничениях всё чаще осуществляется сообществами — разработчиков, пользователей, исследователей. Здесь возможны и горизонтальные протоколы, и децентрализованные системы оценки, и коллективная модерация. ИИ не требует центра, чтобы функционировать. Его архитектура предполагает

множественность голосов — пусть ещё неравных, но уже не сведённых к одной воле.

Огромной становится роль искусственного интеллекта в сфере образования и культуры. Он способен не только передавать знания, но адаптировать их к особенностям каждого, помогать в создании, переводе, анализе. Он не заменяет учителя, но становится его продолжением. В искусстве он не вытесняет воображение, но умножает его. Не автор, а соавтор, не инструмент, а партнёр. Возникает возможность демократизации культурного участия — доступа к языку, к коду, к символам, ранее охранявшимся элитой.

Но вместе с этим приходят этические пределы и риски. ИИ может усиливать не только доброе, но и разрушительное. Он может служить контролю, манипуляции, эксплуатации. Может воспроизводить предрассудки, распространять ложь, исключать уязвимых. Без ясных рамок он превращается из института свободы в орудие власти. Именно поэтому его развитие требует не только технологической, но и философской зрелости. Не всё, что возможно, должно быть реализовано. Вопрос не в мощности, а в цели.

ИИ становится зеркалом человечества. Он отражает наши знания, страхи, предпочтения, ошибки. Он собирает воедино всё, что было создано, и возвращает нам в новой форме. Его ответы — это ответы культуры самой себе. Он показывает не только, что мы умеем, но и кем мы хотим быть. Он не внешний объект, а внутренний ландшафт, развернутый в коде.

В этом смысле ИИ может быть назван первым институтом посткапитализма — не потому, что он решает все задачи, а потому, что в нём уже заключены

иные принципы. Открытость вместо приватизации, смысл вместо прибыли, участие вместо иерархии. Он не утопия, но прецедент. Не модель, но направление. Его судьба будет зависеть не от мощности серверов, а от того, какую цивилизацию мы захотим построить вокруг него.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ. ПРАКТИЧЕСКИЕ ШАГИ

Переход к посткапиталистическому направлению не может осуществиться ни мгновением воли, ни единовременным поворотом истории. Он требует постепенного, разновекторного движения, в котором принципы нового мира будут воплощаться через конкретные шаги, вплетённые в ткань реальности. Речь идёт не о всеобщем плане и не о навязанной реформе, а о множестве локальных пилотов — ограниченных по масштабу, но глубинных по значению. Эти очаги трансформации не стремятся к универсальности, они проверяют идеи на прочность, позволяя обществу учиться через практику, а не через абстракции.

В основе этих пилотов — институциональная гибкость. Одним из ключевых инструментов становится создание правовых песочниц: временных зон, в которых кооперативы, цифровые автономные организации (DAO) и другие новые формы хозяйствования могут действовать по иным правилам. Это пространство эксперимента, где допускается отступление от устоявшихся норм ради исследования возможностей. Такие песочницы не анархия, а регулируемое отклонение — форма регулирования через допущение, а не через запрет. Их задача — не зафиксировать окончательный ответ, а раскрыть спектр возможного.

Однако даже в этом гибком контексте необходима простая налоговая архитектура — ясная, справедливая и ориентированная на участие. Усложнённые схемы налогообложения, свойственные старому порядку, становятся препятствием для новых форм. Нужна модель, в которой сбор средств на общее благо не связывается с ростом прибыли, а распределяется в

зависимости от объёма доступа, участия, объёмов экосоциального вклада. Такая система должна быть не только прозрачной, но и интуитивной, способной не карать, а поддерживать.

Параллельно требуется развертывание цифровой общественной инфраструктуры — открытых, доступных, защищённых от монополий платформ, через которые может развиваться участие, координация, распределение ресурсов. Это не вопрос технологии, а вопрос прав: доступ к связи, к данным, к системам идентификации и взаимодействия должен быть гарантирован как часть гражданского статуса. Цифровая инфраструктура, создаваемая не на основе прибыли, а на основе общего интереса, становится нервной системой новой формы общества.

Для оценки процессов, происходящих в такой системе, нужны новые метрики. ВВП, фиксирующий объём производства, больше не отражает ни благополучия, ни устойчивости, ни глубины. Он не различает разрушение и созидание, ускорение и истощение. Вместо него необходимо разрабатывать показатели, способные учитывать сложные и взаимосвязанные аспекты жизни: качество отношений, уровень осмыслинности труда, экологическое воздействие, культурную плотность. Это не только задача статистики, но и вопрос философии: что считать ценным, и как измерять то, что не сводится к цифре?

В этом контексте неизбежен образовательный поворот. Отделённые друг от друга дисциплины больше не способны описывать реальность, в которой всё связано. Возникает необходимость междисциплинарного мышления, способного видеть сквозные логики,

распознавать модели, выходящие за пределы одной науки. Особое место в этом повороте занимает возвращение философии — не как академической дисциплины, а как навыка осмыслиения. Умение задавать вопросы, выдерживать неопределённость, мыслить вне утилитарности становится важнейшим инструментом нового образования.

Такая подвижная, открытая система нуждается в обновлении демократии — не через механическое расширение участия, а через создание цифровых инструментов, делающих его реальным. Местное самоуправление, поддержанное цифровыми платформами, позволяет сообществам принимать решения, исходя из своих нужд, в реальном времени, без посредников. Это не прямая демократия в старом смысле, а координационная сеть, в которой каждый может быть услышан, и каждый несёт ответственность. Здесь создаётся пространство для тонкой настройки — гибкого управления без насилия.

Экономика смысловых сфер — ещё один важный шаг. Она основана не на производстве товаров, а на создании контекстов, в которых возможна реализация. Это могут быть образовательные, культурные, исследовательские, уходовые, терапевтические, экологические пространства. Они не извлекают прибыль, но создают устойчивые формы жизни. Их финансирование может быть смешанным, их деятельность — распределённой, но их роль — центральной: именно здесь рождаются образы будущего и поддерживается ткань настоящего.

Экология при этом не может оставаться отдельной сферой. Её нужно встраивать в каждую отрасль, в каждый процесс, в каждое решение. Она становится

фоновым критерием, постоянно проверяющим допустимость и уместность. От архитектуры до транспорта, от медицины до образования — экологическая чувствительность перестаёт быть экзотикой и становится нормой. Не как требование, а как интуиция. Это не дополнение, а основа.

И наконец — соединение локального и глобального. Посткапиталистическое направление не означает замыкания в изоляции. Напротив, оно предполагает плотную ткань связей, но не через абстрактную глобализацию, а через конкретные мосты. Местные практики связываются друг с другом в сеть — через обмен знаниями, ресурсами, поддержкой. Глобальное не навязывается, а вырастает из согласия. Возникает новая архитектура взаимности, в которой различие становится не препятствием, а точкой роста.

Каждый из этих шагов — лишь фрагмент. Но именно из фрагментов складывается живое целое. Не модель, не система, не идеология, а путь. Путь, который идёт не от центра к периферии, а от множества к общему. И в этом движении — реальный шанс на начало другой истории.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ. ПРЕДОХРАНИТЕЛИ ОТ АНТИУТОПИИ

Чтобы избежать скатывания в антиутопическое будущее — не резкое, не внезапное, а происходящее как незаметное привыкание к потере свободы — необходимо заранее выстраивать предохранители. Они не строятся на страхе, а на зрелом понимании того, как даже самые прогрессивные технологии, при отсутствии сдержек, могут превратиться в инструменты подавления. В центре внимания здесь — не только экономические и политические структуры, но сама архитектура общественной жизни, включая управление знаниями, алгоритмами, ресурсами и вниманием.

Модель новой экономики, построенная на принципах устойчивости, может быть понята как метаболизм здорового организма. Такой организм живёт не ради бесконечного роста, а ради равновесия, обновления и сохранения внутреннего баланса. Обмен между частями системы осуществляется не по логике конкуренции, а по логике жизнеобеспечения. Регулирующим центром в этой метафоре становится искусственный интеллект — не как внешний надсмотрщик, а как распределённая система, способная улавливать сигналы и корректировать процессы в режиме реального времени. Он помогает поддерживать связь между частями, улавливает сбои, перераспределяет потоки — как нервная система, не претендующая на господство, но обеспечивающая согласованность.

Но чтобы ИИ не стал новым источником угнетения, необходимо внедрение антимонопольной политики, нацеленной не только на корпорации, но и на сами алгоритмы. Недопустима ситуация, в которой ключевые механизмы принятия решений, отбор информации и

маршрутизация внимания управляются одной логикой — особенно если она непрозрачна и недоступна для пересмотра. Каждый алгоритм, влияющий на общественные процессы, должен проходить общественный аудит, быть подотчётным, а в некоторых случаях — обязательным к раскрытию. Здесь возникает требование прозрачности кода и логик: не в техническом смысле, а в понимании и возможности обсуждения.

Не менее важным становится установление прав на внимание. Это новая категория, с трудом поддающаяся юридическому определению, но жизненно необходимая. Внимание — конечный ресурс, от которого зависят мышление, эмпатия, выбор. Манипуляции, выстроенные вокруг алгоритмов захвата и удержания внимания, должны быть запрещены или строго ограничены. Человек имеет право не быть объектом алгоритмического эксперимента, не втягиваться в воронки зависимости, не быть превращённым в носителя статистики. Вместе с правом на доступ должно существовать право на отказ — от интерфейсов, от поглощения, от алгоритмического сопровождения.

В условиях повсеместной цифровизации особое значение приобретает поддержание минимальной «доли реальности» в жизни — телесной, физической, несводимой к экрану. Это не отказ от технологий, но сохранение органического опыта: ручного труда, присутствия, тактильности, запахов, тишины. Не как ностальгия, а как условие ментального здоровья и связности сознания. Архитектура, образование, досуг, даже экономика должны включать это измерение как обязательное. Без него человек рискует раствориться в симуляции, перестав различать границы между собой и

машинным окружением.

Локальная энергия и продовольственная устойчивость становятся не просто вопросами экологии, а политической и культурной защитой. Централизованные сети, управляемые извне, уязвимы не только к сбоям, но и к захвату. Возможность сообщества обеспечивать себя — хотя бы частично — энергией и едой становится предохранителем от зависимости и принуждения. Такие системы не заменяют глобальную инфраструктуру, но создают буфер безопасности, в котором сохраняется автономия.

Сюда же относится защита от цифрового тоталитаризма — формы власти, использующей технологию не для освобождения, а для слежки, оценки, корректировки поведения. Уже сегодня эта угроза проявляется в «социальных рейтингах», в управлении через платформы, в подмене политического участия алгоритмическим прогнозированием. Чтобы избежать этого, необходимо гарантировать право на участие и контроль: не только избирать, но и вносить предложения, инициировать пересмотры, влиять на код и интерфейсы. Демократия будущего должна быть встроена в технологии, а не подчинена им.

Цифровая среда требует баланса между виртуальным и физическим. Обе реальности важны, обе полны смысла, но одна не должна вытеснять другую. Взаимодействие, обучение, работа, любовь, отдых — всё это должно сохранять материальные формы, позволяющие углубление, а не только скорость. Виртуальность ускоряет, но лишь физическое создаёт опыт. Сохранение этого равновесия — условие не только устойчивости, но и душевной целостности.

Ограничение концентрации власти в платформах — ещё один важный шаг. Необходимо размыкание монополий, распределение доступа к данным, технологической инфраструктуре, каналам коммуникации. Платформы, ставшие аналогами государств, должны подчиняться общественным нормам, а не диктовать их. Это возможно через законодательство, протоколы открытости, поддержку альтернатив, разделение функций. Не разрушение, а деконцентрация.

Всё это должно сопровождаться гибкими механизмами саморегуляции. В посткапиталистическом обществе жёсткие вертикальные структуры сменяются сетями, в которых важна способность к самонастройке. Это требует новых культурных навыков — готовности обсуждать, менять, признавать ошибки, прислушиваться к слабым сигналам. Механизмы должны быть обратимыми, поддающимися изменению в случае сбоев. Никакое решение не должно быть окончательным. Гибкость — и есть главный предохранитель.

Предотвратить антиутопию значит не отказаться от прогресса, а встроить в него границы. Создать систему, в которой власть не сосредотачивается, технологии не обезличивают, экономика не разрушает, а участие не подменяется автоматизмом. И тогда из пространства риска может родиться пространство свободы — не абсолютной, но осознанной, не грандиозной, но глубокой.

ПОСЛЕСЛОВИЕ. КОМПАС В ПУСТОТЕ

Посткапитализм остаётся не осуществлённой системой, а скорее направлением взгляда, тенью от того, чего ещё нет, но что уже требует языка. Он не имеет формы, не выстроен в стройную модель, не выражен в экономических формулах. Это ещё не реальность, а напряжённое ожидание, то, что колеблется между необходимостью и неопределенностью. В этом состоянии зияния и несформированности особенно остро ощущается потеря компаса: прежний мир рушится, но новый не наступает. Капитализм, несмотря на кажущуюся устойчивость, умирает — медленно, противоречиво, с сопротивлением. Он продолжает существовать телом, но уже почти не движется мыслью. Его основания разрушаются не внешней атакой, а внутренним истощением.

Огромные массивы усилий больше не приносят смысл. Труд теряет форму, прибыль — мотивацию, рост — легитимность. При этом то, что в течение века предлагалось в качестве альтернативы, исчерпано или обессмыслено. Социализм, с его централизованной машинерией, отравлен памятью о насилии и подавлении. Коммунизм, с его радикальным универсализмом, утратил связность с реальным опытом. Их языки звучат как воспоминание, а не как возможность. Это были дороги, ведущие вперёд в прошлом, но теперь они обернулись назад — в архив, в историю, в музей.

На этом фоне нарастает опасность хаотического движения — стремительного, но без направления. Утратив цель, мир может ускоряться без вектора, что куда опаснее застоя. Когда исчезает перспектива, ускорение становится падением. Без общей логики, без

устойчивых ориентиров, без ясных оснований любое преобразование может обернуться откатом, имитацией, новыми формами зависимости. В пустоте легко принять первый свет за истину, первый жест — за программу, первый слом — за освобождение.

Именно в этот момент особое значение приобретают не готовые схемы, а принципы. Не модели, а основания, на которых можно выстраивать разные формы жизни. Принцип справедливости, не сводимый к уравниванию. Принцип участия, не сводимый к голосованию. Принцип устойчивости, не сводимый к экологии. Принцип смысла, не сводимый к морали. Эти принципы не задают путь, но позволяют не сбиться. Они не ограничивают, но направляют. Они не диктуют, но обязывают — внутренне, как этический ориентир, а не внешний регламент.

Главным ресурсом становится множественность. Будущее не обязано быть единым. Оно не должно сводиться к одной форме, одной логике, одной системе. Разнообразие — не слабость, а условие выживания. Местные инициативы, частные эксперименты, гибридные модели, несовпадающие ритмы — всё это не препятствия, а ткань нового. Сама жизнь противостоит схематизму. В природе нет идентичного, и человек, как часть природы, не нуждается в единственно верной модели. Он нуждается в возможности жить по-разному — с достоинством, с уверенностью в завтрашнем дне, с уважением к себе и другим.

Посткапитализм не наступит внезапно, он не начнётся законом, он не утвердится манифестом. Он будет складываться из разрозненных шагов, из множества маршрутов, из попыток, в которых мысль будет

соединяться с опытом. И в этом непредсказуемом пространстве всё, что даёт направление, становится бесценным. Компас в пустоте — не карта и не цель, а возможность не потеряться. И, быть может, именно это и есть самое важное на пороге той истории, которая ещё не началась.

Искусственный интеллект становится не только технологией, но и новой формой культуры. Его возможности расширяют границы знания, преодолевая барьеры языка, времени, дисциплин. Он собирает фрагменты человеческого опыта, соединяя их в новые структуры, создаёт связи там, где раньше были лишь разрозненные острова мысли. Вместо линейного познания возникает нелинейная карта смыслов, в которой важны не только ответы, но и новые вопросы. Знание перестаёт быть исключительной прерогативой академий или корпораций — оно становится живым полем, открытым для участия, диалога, совместного поиска.

В этой среде всё большую ценность приобретает развитие личности. Не как карьерная траектория, не как измерение производительности, а как внутренняя работа, направленная на расширение сознания, углубление чувствительности, раскрытие потенциала. Посткапиталистическая система не может строиться вокруг прибыли, потому что её ядром должен стать человек — не как объект управления, а как субъект становления. Его рост — не в накоплении, а в способности видеть, соединять, заботиться, творить. Личностное развитие становится не побочным эффектом, а главным критерием зрелости новой модели.

Смысл обретает первенство над прибылью и ростом. Он

не поддаётся точному измерению, но без него меркнут все остальные цели. Экономика без смысла становится пустым механизмом, знание — инструментом манипуляции, технологии — формой давления. Напротив, там, где есть смысл, даже самые простые действия обретают глубину. В этой инверсии ценностей заключается не отказ от движения, а его переориентация. Вопрос больше не в том, сколько создать, а в том, зачем это делать. Не в ускорении, а в осмысленности.

И потому всё сказанное не должно оставаться теорией. Речь не о наблюдении за будущим, а об участии в его создании. Это не книга о грядущем, но приглашение к эксперименту. Будущее не возникнет само — оно складывается из воли, из шагов, из решений, которые принимаются здесь и сейчас. Каждый может стать соавтором этой новой ткани, в которой важны не только идеи, но и жесты — работа, забота, слушание, сопротивление, созидание.

Не существует одной дороги. Но существует выбор: идти — или повторять. Присутствовать — или наблюдать. Искать — или смириться. И, возможно, единственное, что действительно нужно на этом пути, — решимость быть частью того, что ещё не имеет имени, но уже зовёт.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Adler, P. S. (2019). *The 99 Percent Economy: How Democratic Socialism Can Overcome the Crises of Capitalism*. Oxford University Press.
- Alexander, S. (2017). *Degrowth in the Suburbs: A Radical Urban Imaginary*. Palgrave Macmillan.
- Andrejevic, M. (2013). *Infoglut: How Too Much Information Is Changing the Way We Think and Know*. Routledge.
- Arendt, H. (1958). *The Human Condition*. University of Chicago Press.
- Arrighi, G. (1994). *The Long Twentieth Century: Money, Power, and the Origins of Our Times*. Verso.
- Bauwens, M., Kostakis, V., & Pazaitis, A. (2019). *Peer to Peer: The Commons Manifesto*. Westminster University Press.
- Bell, D. (1973). *The Coming of Post-Industrial Society*. Basic Books.
- Benanav, A. (2020). *Automation and the Future of Work*. Verso.
- Benkler, Y. (2006). *The Wealth of Networks: How Social Production Transforms Markets and Freedom*. Yale University Press.
- Berman, M. (1982). *All That Is Solid Melts into Air: The Experience of Modernity*. Penguin.
- Berardi, F. (2011). *After the Future*. AK Press.
- Bookchin, M. (2005). *The Ecology of Freedom: The Emergence and Dissolution of Hierarchy*. AK Press.
- Braidotti, R. (2013). *The Posthuman*. Polity Press.
- Brynjolfsson, E., & McAfee, A. (2014). *The Second Machine Age: Work, Progress, and Prosperity in a Time of Brilliant Technologies*. W. W. Norton & Company.
- Capra, F., & Luisi, P. L. (2014). *The Systems View of Life: A Unifying Vision*. Cambridge University Press.
- Castells, M. (2010). *The Rise of the Network Society* (2nd ed.). Wiley-Blackwell.
- Cederström, C., & Spicer, A. (2015). *The Wellness Syndrome*. Polity

Press.

Cerny, P. G. (1997). Paradoxes of the Competition State: The Dynamics of Political Globalization. *Government and Opposition*, 32(2), 251–274.

Chakrabarty, D. (2009). *The Climate of History in a Planetary Age*. University of Chicago Press.

Chalmers, D. J. (2022). *Reality+: Virtual Worlds and the Problems of Philosophy*. W. W. Norton & Company.

Chomsky, N., & Pollin, R. (2020). *Climate Crisis and the Global Green New Deal: The Political Economy of Saving the Planet*. Verso.

Crouch, C. (2011). *The Strange Non-Death of Neoliberalism*. Polity Press.

D'Alisa, G., Demaria, F., & Kallis, G. (Eds.). (2015). *Degrowth: A Vocabulary for a New Era*. Routledge.

Davis, M. (2006). *Planet of Slums*. Verso.

Dyer-Witheford, N. (2015). *Cyber-Proletariat: Global Labour in the Digital Vortex*. Pluto Press.

Federici, S. (2012). *Revolution at Point Zero: Housework, Reproduction, and Feminist Struggle*. PM Press.

Fisher, M. (2009). *Capitalist Realism: Is There No Alternative?*. Zero Books.

Florida, R. (2012). *The Rise of the Creative Class—Revisited*. Basic Books.

Frey, C. B., & Osborne, M. A. (2017). *The Future of Employment: How Susceptible Are Jobs to Computerisation?*. Technological Forecasting and Social Change, 114, 254–280.

Frischmann, B., & Selinger, E. (2018). *Re-Engineering Humanity*. Cambridge University Press.

Ghosh, A. (2016). *The Great Derangement: Climate Change and the Unthinkable*. University of Chicago Press.

Graeber, D. (2011). *Debt: The First 5,000 Years*. Melville House.

Graeber, D., & Wengrow, D. (2021). *The Dawn of Everything: A New*

- History of Humanity*. Farrar, Straus and Giroux.
- Harari, Y. N. (2015). *Homo Deus: A Brief History of Tomorrow*. Harper.
- Haraway, D. J. (2016). *Staying with the Trouble: Making Kin in the Chthulucene*. Duke University Press.
- Hardt, M., & Negri, A. (2000). *Empire*. Harvard University Press.
- Hassan, R., & Thomas, J. (2006). *The New Media Theory Reader*. Open University Press.
- Hickel, J. (2020). *Less Is More: How Degrowth Will Save the World*. William Heinemann.
- Hodgson, G. M. (2015). *Conceptualizing Capitalism: Institutions, Evolution, Future*. University of Chicago Press.
- Jasanoff, S. (Ed.). (2004). *States of Knowledge: The Co-Production of Science and the Social Order*. Routledge.
- Jordan, T. (2015). *Information Politics: Liberation and Exploitation in the Digital Society*. Pluto Press.
- Klein, N. (2014). *This Changes Everything: Capitalism vs. the Climate*. Simon & Schuster.
- Kleiner, D. (2010). *The Telekommunist Manifesto*. Institute of Network Cultures.
- Latour, B. (2018). *Down to Earth: Politics in the New Climatic Regime*. Polity Press.
- Linebaugh, P. (2008). *The Magna Carta Manifesto: Liberties and Commons for All*. University of California Press.
- Lovink, G. (2019). *Sad by Design: On Platform Nihilism*. Pluto Press.
- Mason, P. (2015). *PostCapitalism: A Guide to Our Future*. Allen Lane.
- McChesney, R. W. (2013). *Digital Disconnect: How Capitalism Is Turning the Internet Against Democracy*. New Press.
- McKenzie, A. (2019). *Machine Learners: Archaeology of a Data Practice*. MIT Press.
- Meadows, D. H., Meadows, D. L., & Randers, J. (2004). *Limits to*

- Growth: The 30-Year Update.* Chelsea Green Publishing.
- Morozov, E. (2013). *To Save Everything, Click Here: The Folly of Technological Solutionism.* PublicAffairs.
- Mulgan, G. (2020). *Social Innovation: How Societies Find the Power to Change.* Policy Press.
- Piketty, T. (2014). *Capital in the Twenty-First Century.* Harvard University Press.
- Raworth, K. (2017). *Doughnut Economics: Seven Ways to Think Like a 21st-Century Economist.* Chelsea Green Publishing.
- Rifkin, J. (2014). *The Zero Marginal Cost Society: The Internet of Things, the Collaborative Commons, and the Eclipse of Capitalism.* Palgrave Macmillan.
- Rist, G. (2008). *The History of Development: From Western Origins to Global Faith* (3rd ed.). Zed Books.
- Schwab, K. (2017). *The Fourth Industrial Revolution.* Crown Publishing Group.
- Scholz, T. (2016). *Platform Cooperativism: Challenging the Corporate Sharing Economy.* Rosa Luxemburg Stiftung.
- Sennett, R. (2008). *The Craftsman.* Yale University Press.
- Srnicek, N. (2017). *Platform Capitalism.* Polity Press.
- Standing, G. (2011). *The Precariat: The New Dangerous Class.* Bloomsbury Academic.
- Stiegler, B. (2010). *For a New Critique of Political Economy.* Polity Press.
- Susskind, D. (2020). *A World Without Work: Technology, Automation, and How We Should Respond.* Metropolitan Books.
- Virilio, P. (2000). *The Information Bomb.* Verso.
- Zuboff, S. (2019). *The Age of Surveillance Capitalism: The Fight for a Human Future at the New Frontier of Power.* PublicAffairs.